

В тот же год внезапно произошли перемены. Чэнь Жоинь обнародовал доказательства заговора Тан Чжэня, и одно за другим эти события повергли императорский двор в хаос. Шэнь Вэньдао застыл в оцепенении, и даже сейчас, вспоминая об этом, он дрожал от страха. Его дрожащая рука легла на плечо Шэнь Чжоу.

В одну ночь великий наставник перестал быть великим наставником, а верный подданный — верным подданным. По императорскому указу вся семья была казнена. После этого третий сын императора, лишившись Тан Чжэня, впал в уныние, словно стал другим человеком. Остальные принцы трепетали, и больше никто не смел соперничать.

Цель Императора Чэна была достигнута: престолонаследник мог взойти на трон без помех.

Что касается маркиза Динбэй, Тан Чжэнь был искусен как в литературе, так и в военном деле. В ту ночь он с женой бежал в Сайбэй, но, выйдя за границу, столкнулся с Хо Чжао. Хо Чжао не знал подробностей, но, следуя императорскому указу, казнил Тан Чжэня и его жену в пустыне.

Говорят, что в тот год Хо Линьфэну было шесть лет, и он стал свидетелем этой сцены. Из вещей, оставленных Тан Чжэнем, не сохранилось ничего, кроме книги «Зеркало грехов».

Книгу забрал Хо Чжао. В ней был листок с ароматом жасмина, на котором мелким почерком были написаны четыре строки: «Хотел соткать шёлковый халат из Шу, но получил одежду из конопли. Не спеши, но помни о трудностях, лежа на дровах».

Подпись гласила: «Дождливой ночью, для малыша».

У Тан Чжэня было трое детей, и младшему в тот год было всего три года.

Миска с лапшой остыла и потеряла вкус. Шэнь Вэньдао, опираясь на Шэнь Чжоу, прошёл через боковую дверь во внутренние покои. Он не хотел быть обязанным Хо Чжао, и, помимо истории с Тан Чжэнем, само нарушение императорской воли было уже достаточно рискованным. Но его дух ещё не был сломлен. Прожив многие годы, скрываясь, он всё же сохранил в себе благородство.

Что же касается того, что произойдёт после прибытия в Сицзянлин, это зависело от судьбы Хо Линьфэна.

В почтовой станции стража сменяла друг друга, стоя неподвижно, как железная стена. Внутри комнаты горел мягкий свет, и отец с сыном ещё не спали. Старик сидел у кровати, глядя меч, а младший, прислонившись к окну, забавлялся с куропаткой, севшей на подоконник.

— Отец, ложитесь спать, я погашу свет, — сказал Хо Линьфэн, затем сделал паузу. — Вы возвращаетесь в Сайбэй, а я отправляюсь в Цзяннань. Неизвестно, когда мы снова увидимся.

Хо Чжао напомнил:

— Вне дома нельзя позволять себе вольности. Помни, будь осторожен.

Он положил меч и, глядя на оживлённую куропатку, с грустью добавил:

— Не забудь написать матери. Она будет тосковать по тебе.

Услышав это, Хо Линьфэн вспомнил о госпоже Бай, и его сердце сжалось. И о колокольчиках на колоннах, которые, возможно, больше не зазвонят. Старший брат, слуги, старая матушка,

горожане, товарищи по армии — теперь, когда он всё перечислял, оказывалось, что в его беспечной жизни было так много привязанностей.

Видимо, это было наказание за его глупые слова перед алтарём.

Хо Линьфэн покачал головой, отпустил куропатку, погасил свет и вернулся в свою комнату. Ду Чжэн уже собрал вещи, застелил постель, опустил полог и свернулся калачиком у изголовья, охраняя сон. Хо Линьфэн лёг, повернувшись на бок, и украдкой потянулся, чтобы пошалить с волосами на затылке Ду Чжэна.

— Эх... — невнятно пробормотал Ду Чжэн, не совсем проснувшись.

Хо Линьфэн спросил:

— Дурак, ты действительно готов отправиться со мной в Цзяннань?

Если нет, он мог оставить Ду Чжэна, чтобы тот жил спокойно в Сайбэй, ведь он служил ему много лет.

Ду Чжэн пробормотал:

— Конечно, поеду. Без меня, молодой господин, как вы выживете?

Хо Линьфэн рассмеялся, отпустил его, перевернулся и больше не говорил ни слова, закрыв глаза и погрузившись в сон. Чэнь Жоинь был прав: «Раз уж пришёл, прими это как есть». Шэнь Вэньдао сказал ещё лучше: «С армией в руках можно перевернуть мир». Размышляя над этими словами, он через полчаса успокоился.

Стража сменилась дважды, и к пятому часу утра у почтовой станции собрался отряд из двадцати всадников, посланных императорским двором, чтобы сопровождать Хо Линьфэна. Свет погас, крик петуха напугал куропатку, и слуги приготовили воду и одежду, выстроившись в ряд у дверей комнаты.

Хо Линьфэн ещё не открыл глаза, но уже услышал шум и тихо выругался:

— Ду Чжэн, ты что, хочешь меня задушить?

Ду Чжэн потер глаза, встал, открыл окно, и холодный ветер заставил его очнуться. Он взглянул и, вернувшись к кровати, шепнул через тонкую занавеску:

— Молодой господин, прибыл отряд солдат. На них тёмно-зелёные мундиры, белые рубахи, все верхом и с мечами.

Хо Линьфэн понял: это армия Сяовэй, видимо, чтобы «охранять» его в Цзяннань. Он резко сел, с гордым видом кивнул. Ду Чжэн понял его и, открыв дверь, сказал с напусковой важностью:

— Чего стоите? Генерал проснулся, поторопитесь обслужить его!

Одевшись, обувшись и надев пояс, Хо Линьфэн позволил слугам полностью его обслужить. Надев шляпу, он протянул руку, и Ду Чжэн передал ему меч Цзюэмин. Он вышел из здания, где во дворе уже собрались стража, солдаты Сяовэй и чиновники, провожавшие его в путь. Его собственные всадники едва могли найти место.

— Освободите дорогу, — сказал он. — Сначала проводите маркиза Динбэй.

Услышав приказ, всадники маркиза отошли в сторону, взяли поводья и закричали, демонстрируя свою боевую мощь. Остальные солдаты испугались, и некоторые даже побледнели.

— Что? — Хо Линьфэн усмехнулся, с явной дурной усмешкой. — Мои скромные солдаты просто выстроились в ряд, а вы уже испугались?

Все смутились, а он, выпрямившись, стоял впереди:

— Всадники маркиза Динбэй, слушайте приказ: по пути в Сайбэй наблюдайте за всем вокруг и защищайте маркиза. Если кто-то нападёт, отрубите голову без пощады.

Отряд всадников хором ответил, и их крик сотряс небо и землю, производя огромное впечатление.

Когда всё было готово, Хо Чжао вышел из почтовой станции. Хо Линьфэн поклонился, помог ему сесть на лошадь и вместе с отрядом вышел за ворота. Улицы были пустынные, окна приоткрыты, но теперь, в отличие от их прибытия, отец и сын шли в противоположные стороны.

Хо Линьфэн откинул полы одежды и встал на колени посреди улицы:

— Провожая маркиза Динбэй в Сайбэй.

На лошади Хо Чжао, с широкой спиной, слегка повернул голову, с тревогой и беспокойством взглянув на него.

Ду Чжэн, держа сумку, плакал, горожане в окнах вздыхали, а куропатка на ветке махала крыльями, пролетая за ними и возвращаясь, словно спрашивая: «Почему ты не уходишь?..»

Отряд маркиза Динбэй удалялся, и Хо Линьфэн смотрел на него, чувствуя, что их разделяют тысячи гор и рек.

Он собрался, встал, грубо схватил рыдающего Ду Чжэна, сел на лошадь и, встретившись взглядом с отрядом Сяовэй, сказал:

— Отлично, спасибо за заботу императора.

Холодно произнеся это, он взглянул на юг:

— Направляемся в Сицянлин.

Дорога была ровной, и отряд в мундирах и с мечами заставлял прохожих избегать их. До Сицянлина было более тысячи ли, и по пути они трижды меняли лошадей, что заняло некоторое время.

Через полмесяца они оказались в ста ли от Сицянлина. На закате они остановились на почтовой станции, и Хо Линьфэн, глядя на далёкие горы, застыл. Горы тянулись, словно окутанные туманом, полукруглое солнце висело в небе, а красный закат сталкивался с зеленью. Этот пейзаж, который он видел каждый день, был так прекрасен, что сжимал сердце.

Он усмехнулся своей неопытности, засучил рукава, нарезал немного сена и сам накормил свою лошадь. Вдруг он услышал шорох сзади и, обернувшись, увидел, как карета слегка качнулась, а под ней кто-то возился.

Ду Чжэн вылез, закончив с делом, и с гордостью сказал:

— Молодой господин, в Сицзяньлине неспокойно, поэтому я спрятал вашу печать и документы под доской в карете. Теперь не страшны разбойники, предосторожность не помешает.

— О? — переспросил Хо Линьфэн. — Ты думаешь, у них есть шанс меня ограбить?

Ду Чжэн замер, поняв, что снова ошибся, и, вздрогнув, бросился бежать:

— Молодой господин, я посмотрю, готов ли ужин. Без мяса никак!

Печать и документы остались на месте. Хо Линьфэн, закончив кормить лошадь, не обратил на это внимания.

Ночью они отдохнули, а утром, когда туман был ещё густ, отправились в путь, планируя в тот же день достичь Сицзяньлина. На юге леса были густыми, деревья плотные, вода обильная, и идти было нелегко. К полудню фляги опустели, и все немного устали.

Остановившись на отдых, Ду Чжэн пошёл к озеру за водой, а Хо Линьфэн нашёл старое дерево, забрался на него и закрыл глаза, чтобы немного вздремнуть. Вскоре ветер зашелестел листьями, он резко открыл глаза и, раздвинув ветви, посмотрел на юго-восток.

Внезапно поднялся сильный ветер, и из зарослей вылетел голубовато-зелёный силуэт!

Двадцать солдат Сяовэй мгновенно выхватили мечи и вступили в бой. Голубовато-зелёный силуэт, казалось, смеялся, его голос был чистым и звонким, он извивался, размахивая руками, и двигался так быстро, что невозможно было разглядеть оружие.

С хлюпающим звуком один из солдат уронил меч и упал на землю. Кровь хлынула, окрашивая траву в красный цвет, который под ярким солнцем стал золотым. Голубовато-зелёный силуэт остановился, повернувшись спиной, и, слегка повернув голову, улыбнулся с явным удовольствием. Теперь стало видно, что в руках он держал изогнутые клинки из холодного железа.

Солдат спросил:

— Кто ты?!

Голубовато-зелёный силуэт ответил:

— Я... — его голос протянулся, как будто он был капризным ребёнком. Он повернулся, демонстрируя молодость и дерзость. Его лицо было белым, брови приподняты, глаза блестели, и в его чертах читалась хитрая и озорная натура, как у избалованного молодого господина.

Хо Линьфэн всё видел, но не двигался, ожидая, когда тот назовёт своё имя.

<http://bllate.org/book/16167/1449066>